

Федунина Н.Ю.

Рецензия на книгу John Steiner “Seeing and Being Seen:
Emerging from a Psychic Retreat” (2011)

Fedunina N.Yu.

Book review. John Steiner “Seeing and Being Seen:
Emerging from a Psychic Retreat”, 2011

*Центр спортивных технологий и подготовки спортивных команд Москомспорта,
Москва, Россия*

В статье представлен обзор книги Джона Стайнера, где он развивает свою концепцию «психического убежища». На этот раз основной темой размышления автора является то, с чем в жизни и терапии сталкивается человек, который рискует оставить свою защитную организацию, избавлявшую его от чувств зависимости, тревоги и переживания психической боли, дающую ощущения нарциссического превосходства и контроля над объектом. Стайнер показывает всю сложность этого процесса, тягостные чувства смущения, стыда, уязвимости, униженности, зависти, страха разоблачения, когда вне «стен» убежища человек оказывается «видим» для других, а также более реалистично видит других сам. Острота этих чувств может быть таковой, что пациент скорее стремится к их облегчению, а не пониманию, и снова рискует вернуться под нарциссическую защиту патологической организации, основывающуюся на примитивных защитных механизмах расщепления, проективной идентификации, всемогуществе, отрицании потери, различий или отдельности. Джон Стайнер иллюстрирует различные аспекты выхода из психического убежища на материале клинических случаев, а также анализируя знаменитые кейсы и фрагменты художественной литературы. В связи с этим процессом обсуждаются темы структуры Эдиповой ситуации, переживания потери и сложности процесса горевания, зависти, мести, власти и доминирования, принуждения к повторению, подмены одних чувств другими. На протяжении всей книги Стайнер также рассматривает контрпереносные переживания и реакции терапевта, который со-присутствует с клиентом, осуществляющим этот сложный путь, и формулирует терапевтические следствия для помощи таким клиентам.

Ключевые слова: психическое убежище, психоанализ, Джон Стайнер

Для цитирования: Федунина, Н.Ю. Рецензия на книгу John Steiner “Seeing and Being Seen: Emerging from a Psychic Retreat” (2011) // Новые психо-

логические исследования. 2023. № 2. С. 113–121. DOI: 10.51217/npysyresearch_2023_03_02_06

Книга Джона Стайнера “Seeing and Being Seen: Emerging from a Psychic Retreat” (2011) продолжает размышления о психическом убежище (см. переведенную на русский книгу того же автора «Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов» (2013)). Стайнер рассматривает, как происходит выход из психического убежища, что может мешать пациенту избавиться от своей зависимости от патологической организации. Вне защиты убежища человек оказывается «видим» для других, а это чревато возникновением переживания уязвимости, критического и осуждающего наблюдения, смущения, стыда и унижения. Острая потребность в получении облегчения, избавления от этих переживаний способна препятствовать пациенту соприкоснуться с более глубокими аспектами опыта и продолжать развитие. Многие особенности аналитической обстановки такие, как время сеансов, гонорары, определение дат отпуска, могут восприниматься как несправедливое применение власти и отношение свысока.

В первой главе книги обсуждаются темы, связанные со смущением, стыдом и унижением. Стайнер приводит материал пациента, чья защита была основана на фантазиях о превосходстве и восхищении. Аналитическая обстановка заставляла его чувствовать себя незащищенным, и он стремился восстановить нарциссическое превосходство и контроль над объектом. Желание приобрести те качества, которыми, по его мнению, можно было бы восхищаться, побуждало его демонстрировать свои достижения и добиваться восхищения, в тоже время опасаясь разоблачения и унижения. Даже интерпретация, придающая смысл и дающая понимание, могла заставить пациента почувствовать, что за ним наблюдают и его осуждают. Пациент чувствовал себя униженным, когда ощущал себя зависимым. Стайнер показывает, как постепенно разница между ним и пациентом перестала казаться тому такой унижительной, что помогло ему относиться к аналитику как к ценному объекту и соприкоснуться с чувствами сожаления и потери.

Вторая глава посвящена кейсу Шребера, немецкого судьи, мемуары которого вызвали большой интерес благодаря анализу их Фрейдом. Преследующий аспект пристального взгляда был важной чертой паранойи Шребера. На материале случая Шребера, Стайнер отмечает,

что переход от депрессии к паранойе включает в себя переход от заботы о первичном объекте к озабоченности объектом критического наблюдения. Когда депрессивная вина и отчаяние становятся слишком болезненными, задействуются защитные механизмы, чтобы сделать переживание более терпимым. Наиболее заметный из них связан со сдвигом в сторону паранойи и усилением расщепления, фрагментации и проективной идентификации. Стайнер замечает, что проекция не всегда уменьшает страдание, но может ослабить чувство ответственности и вины. Шребер был настолько поглощен потребностью найти облегчение, что больше стремился к нему, чем к пониманию. Стайнер размышляет о бредовой системе Шребера как о психическом убежище, к которому он прибегал, когда депрессия и паранойя становились невыносимыми. Бредовая система превращала преследование в идеализированное подчинение и защищала от чувства унижения и стыда.

В третьей главе описывается пациент, добившийся значительного прогресса в терапии. Стайнер анализирует болезненный процесс выхода из психического убежища, включающий периодические эпизоды возвращения к защите нарциссической организации. Одним из характерных переживаний, сопровождавших выход из психического убежища, был страх разоблачения, сопряженный с состояниями преследования, где доминировали унижение и стыд. Нарциссическая организация надежно защищала от разоблачения и позволяла избежать необходимости сравнивать достижения с реальностью. Выход из психического убежища может вызывать острые чувства смущения и уязвимости, подчас подменявшиеся негодованием. Пациент был особенно смущен, если ощущал, что обнажаются более теплые, любящие и зависимые чувства. Это заставляло его бояться насмешек. Именно тогда, когда он вышел из психического убежища, основанного на нарциссическом превосходстве, он был особенно не уверен в себе. Для дальнейшего прогресса требовалось сделать еще один шаг, связанный со способностью терпимо относиться к смущению и различным страхам, вызванным тем, что за вами наблюдают и оценивают.

В главе 4 проводится различие между первичным объектом и объектом наблюдения, чтобы показать, как аналитик может быть поставлен в положение исключенного наблюдателя. Пациент может ожидать, что аналитик будет критически к нему относиться, и именно эта роль, подобная роли жесткого “суперэго”, вызывает у пациента страх того, что на него будут смотреть свысока.

Стайнер связывает подобную динамику с эдиповой ситуацией: когда ребенку трудно принять отношения между родителями, распознать отношения, из которых он исключен, он предпочитает устанавливать контакт с родителями по отдельности, тем самым один родитель исключается. Исключенный объект выступает обычно в роли суперэго, наблюдающего за первичными отношениями ребенка и оценивающего их, что часто переживается как преследование и унижение. Аналитику также трудно переносить наблюдающий перенос, чувство исключенности, давление, вынуждающее играть роль суперэго. Если аналитик способен осознать эту ситуацию, смириться с потерей центральной роли и понять свое положение в ситуации переноса, он может получать проекции, пытаться заменить действие пониманием, сформулировать мысль в качестве интерпретации.

В пятой главе Стайнер описывает конфликты из-за власти и доминирования, которые могут возникнуть в эдиповой ситуации, и различает параноидальное и депрессивное решения эдипова комплекса. Конфликт из-за власти и доминирования неизменно заканчивается тем, что одна из сторон выступает в роли победителя, а другая – проигравшего. Часто то, что начинается как требование справедливости, перерастает в ненасытную ненависть. Такая неконтролируемая деструктивность настолько ужасна, что желание отомстить может быть отвергнуто и подавлено и выражаться в виде недовольства. Важным источником недовольства является чувство несправедливости, связанное с беспомощностью в условиях неравенства сил. Такое неравенство воспринимается не как естественное следствие потребности ребенка в других, а как жестокое проявление власти. Стайнер приводит случай пациента, в ком чувство зависимости вызывало ощущение победы аналитика, и это делало пациента уступчивым и боящимся неодобрения. Если ему удавалось перехитрить аналитика и одержать победу, то он боялся, что уничтожил аналитика. В обоих случаях параноидальный исход приводил к психическому убежищу, основанному на отождествлении с могущественным и мстительным отцом. Разница поколений, полов, качеств и навыков воспринимались не как естественный аспект реальности, а как проявление эксплуатации и несправедливости и провоцировали зависть.

В шестой главе раскрывается важность темы власти в связи с реакцией нарциссического превосходства на переживание беспомощности. Стайнер отмечает, что беспомощность связана с неспособностью найти доступную фигуру, которая может принять истинную ситуацию пациента. В клиническом материале

описывается ситуация, когда пациент казался недоступным, пока аналитик не осознал, что пациент также считает его недоступным для сообщений и проекций. Быть нуждающимся и беспомощным – это одно из самых страшных переживаний. Если рядом нет никого, кто мог бы распознать наши потребности и откликнуться на них, мы сталкиваемся с тревогой, порожденной ощущением брошенности и преследования. В наиболее распространенном защитном паттерне потребность отрицается и заменяется нарциссическим типом объектных отношений. Нуждающееся, беспомощное и обделенное “я” проецируется, и пациент идентифицирует себя с родительским объектом, от которого ожидают, что он будет оказывать помощь, а не получать ее. В данной роли пациент чувствует себя обязанным заботиться о другом. Это редко бывает успешным и обычно не ценится объектом, потому что игнорируются реальные потребности объекта, а также из-за конкретного типа мышления, при котором объект должен быть материально восстановлен, что обычно влечет за собой всемогущую фантазию, а не истинное возмещение ущерба.

Стайнер рассказывает о случае, когда ему удалось признать, что его чрезмерная активность скрывала чувство беспомощности, реализацию фантазии пациента о всемогущем восстановлении. Пациент вел себя так, как будто думал, что сможет выжить, только избегая зависимости через идентификацию с могущественными, но ненадежными и недоступными внутренними фигурами. Поскольку аналитик считал важным достучаться до своего пациента, он впал в отчаяние и принял активную роль, стремясь установить контакт. Пациент же чувствовал, что анализ угрожает его превосходству. Стайнер смог признать, что не в силах защитить пациента от его рискованных действий, и чувство беспомощности уступило место печали, а это способствовало снижению чрезмерной активности аналитика и дало пациенту чувство, что аналитик более восприимчив к его состоянию.

Нарциссический пациент не может мириться с представлением о себе как о слабом, потому что он убежден, что пребывание в таком состоянии означало бы, что он был бы беспомощен. Когда иерархический порядок считается целесообразным и реалистичным, он создает структуру, обеспечивающую стабильность и безопасность, но когда возникает ощущение, что власть узурпирована или используется не по назначению, это может вызвать негодование и желание отомстить. Наряду с параноидальным решением эдипова комплекса существует альтернативный сценарий, где беспомощность ассоциируется не столько с поражением и унижением, сколько с

чувством потери, которое мы бессильны предотвратить или обратить вспять. Эти депрессивные последствия эдиповых фантазий включают в себя признание ущерба, что приводит к чувствам вины, раскаяния, что приходится болезненно преодолевать. Параноидальное решение сопряжено с негодованием, обидой и борьбой за власть с доминирующим авторитетом. Депрессивное решение приводит к осознанию и признанию беспомощности и ценности объекта.

В главе 7 взаимосвязь между обидой и мстью исследуется на примере клинического случая и отрывка из романа Роберта Льюиса Стивенсона «Похищенные». Стайнер показывает, как могут накапливаться обиды и как их лелеют, когда слишком опасно мстить открыто. Иногда даже мысль о мести ставит под угрозу потребность оставаться правым. Когда месть кажется неприемлемой, она трансформируется в обиду и становится сердцевиной психического убежища. Переживание себя обиженной жертвой освобождает от чувства вины и раскаяния. Иногда можно проследить, как стремление к мести начинается с требования справедливости, но затем разворачивается более злобная деструктивность ненасытного характера. Когда «я», хороший объект или отношения между ними травмированы, кажется, что именно хороший объект требует мести, и пациент чувствует себя обязанным отреагировать, чтобы восстановить и сохранить утраченные идеализированные отношения. Месть – это антитеза прощению, и пациент настаивает на том, что объект нельзя отпускать с крючка, пока тот не искупит причиненный ущерб. Таким образом, избегается прямая и насильственная атака на объект, но вместо нее создается тупик, в котором развитие затруднено, а деструктивность отрицается. Чувство правоты легко трансформируется в чувство праведности, поскольку первоначальное разделение необходимо усилить путем проецирования плохих чувств, особенно вины, на третий объект.

Когда пациент способен выйти из психического убежища, он вступает в контакт как с внешней, так и с психической реальностью. Он должен признать, что в фантазии он атаковал и уничтожил свои хорошие объекты в актах мести, опустошивших его и его объекты. Если этот шаг покажется пациенту слишком болезненным и эмоционально дорогостоящим, он отступит под защиту всемогущества, которое позволит ему восстановить собственнический контроль над идеальным объектом и скрыть свою мстительную ненависть. Если к нападениям относиться терпимо и анализировать, а не осуждать, негодование может смениться раскаянием и начаться движение

к возмещению ущерба. Примирение основано на признании психической реальности; это не просто признание причиненных обид, но также различий и зависимости. Многие пациенты считают, что от них требуется отказаться от своих позиций и подчиниться аналитику, стать уступчивыми и конформистскими, им трудно взять эквивалент меча Давида и напасть напрямую, возможно, из страха разрушить объект или быть разрушенным объектом. Открытая атака пациента может позволить вырваться из паралича вины и затаенной мести и недовольства.

В главе 8 обсуждается важность процесса горевания, принятия реальности потери. Способность сталкиваться как с потерей всемогущества, так и с потерей объектов представлена как существенный фактор, определяющий возможность психических изменений. Если невозможно встретиться лицом к лицу с реальностью, мобилизуются защитные процессы, которые отрицают потерю и включают маниакальный триумф, навязчивый контроль и садомазохистское унижение своих объектов. Меланхоличное решение предлагает компромисс, при котором объект больше не существует во внешнем мире, но сохраняется как внутренний объект.

Зачастую существует тенденция трансформировать конфликт из конфликта, связанного с суждением о реальности, в конфликт морали, суждением суперэго. С этим сдвигом сопряжено преобладание чувства обиды и тревоги над депрессивным чувством. Внутрипсихический конфликт трансформируется в межличностный конфликт. И пациент может использовать аналитика для установления психического равновесия. На ранних стадиях пациент пытается отрицать потерю, завладеть объектом и сохранить его. Один из способов, которым он делает это, – отождествление себя с объектом, отрицая разделение и гарантируя, что субъект и объект неразрывно связаны. Способность признать реальность потери, которая приводит к дифференциации «я» от объекта, является критическим фактором, определяющим, может ли продолжаться горевание. Это включает в себя задачу отказа от контроля над объектом и означает, что прежняя тенденция, направленная на обладание объектом и отрицание реальности, должна быть обращена вспять. Индивид должен столкнуться со своей неспособностью обладать, сохранять и защищать объект, принять, что любви и желаний возмещения недостаточно для сохранения объекта.

Наконец, глава 9 фокусируется на теме принуждения к повторению и обсуждает место зависти и роль инстинкта смерти в создании препятствий для психических изменений. Принуждение

к повторению выражает ненависть к переменам, блокирующую развитие. Принуждение к повторению, с точки зрения Стайнера, служит для борьбы с тревогами зависимости. Пациент с навязчивым повторением считает для себя невыносимым быть получателем добра, которое он воспринимает как унижение. Вместо этого он пытается овладеть благом через идентификацию и стремится скорее давать, чем принимать. Основные защиты, используемые для преодоления тревог зависимости, включают комбинацию расщепления, проективной идентификации и интроекций. Они помогают пациенту отрицать отдельность и различие и избегать зависти. Маниакальная защита атакует творческие связи и препятствует изменениям. Если доброта объекта идеализируется и им владеют, то завидовать нечему, потому что пациент чувствует, что вся доброта принадлежит ему и контролируется им. В аналитическом процессе понимание чего-то нового требует от пациента отказа от прежних убеждений, что в фантазии переживается как отказ от конкретного объекта. Это всегда связано с определенной степенью “пренебрежения или разочарования” и ставит пациента перед конфликтом. В такой ситуации часто можно наблюдать, как пациент борется между принятием и отрицанием. Принятие предполагает мини-отказ и мини-скорбь, в то время как отрицание предполагает возвращение к зависимости от конкретного внутреннего объекта и использование механизмов, отрицающих потерю.

Сведения об авторе

Наталья Ю. Федунина, кандидат психологических наук, Центр спортивных технологий и подготовки спортивных команд Москомспорта, Москва, Россия; 129272, Россия, Москва, ул. Советской Армии, д. 6; Natalia_fedunina@mail.ru

Fedunina N.Yu.

Book review. John Steiner “Seeing and Being Seen:
Emerging from a Psychic Retreat”, 2011

Center for Sport technologies of Moscomsport, Moscow, Russia

The article presents an overview of John Steiner’s book, in which he develops his concept of “mental asylum”. This time, the main topic of reflection is what a person faces in life and therapy, who risks leaving his protective organization, which relieved feelings of dependence, anxiety and experiencing mental pain, which gave feelings of narcissistic superiority and control over the

object. Steiner shows the complexity of this process, painful feelings of embarrassment, shame, vulnerability, humiliation, envy, fear of exposure, when, outside the “walls” of the shelter, a person turns out to be “visible” to others, and also sees others more realistically himself. The acuteness of these feelings may be such that the patient may strive for their relief rather than understanding, and again risks returning to the narcissistic protection of the pathological organization, based on primitive defense mechanisms of splitting, projective identification, omnipotence, denial of loss, differences or separateness. John Steiner illustrates various aspects of the process of leaving the mental asylum on the material of clinical cases, as well as on the material of the analysis of famous cases and fragments of fiction. In connection with this process, the topics of the structure of the Oedipal situation, the experience of loss and the complexity of the process of grieving, envy, revenge, power and domination, compulsion to repeat, substitution of some feelings by others are discussed. Throughout the book, Steiner also examines the countertransference experiences and reactions of a therapist who is co-present with a client pursuing this difficult path, and formulates therapeutic consequences to help such clients.

Key words: psychic retreat, psychoanalysis, John Steiner

For citation: Fedunina, N.Yu. (2023). Book review. John Steiner “Seeing and Being Seen: Emerging from a Psychic Retreat”, 2011. *New Psychological Research*, No. 2, 113–121. DOI: 10.51217/npsyresearch_2023_03_02_06

Information about the author

Natalia Yu. Fedunina, Ph.D (Psychology), Center for sports technologies and training of sports teams of Moskomspor, Moscow, Russia; bld. 6, Sovetskaya Armii str., Moscow, Russia, 129272; *Natalia_fedunina@mail.ru*